

Оксана Саркисян

Экспозиционные работы.

И вот поля, как оказывается, недолго играющие в своей пустоте в отличие от троп - дорог, их направлений. Поля часто застраивают. Как они были в свое время отвоеваны у леса для каких-то нужд, теперь продолжается по нужде застройка этих полей. Так что на поля делать ставки сложно. Это такие энергетические поля, которые быстро застраиваются, превращаются, изменяются. Исчезает пустота полей, что для КД очень важно.

Из видео канала Podjacheva, На пляже 25 июля 2021. О недолговечности полей

Я обещала АМ написать рассказ еще об акции «75 автобус». Но из-за моей неустроенности и неопределенности места жительства в результате программы реновации, этот рассказ не сложился. Хотя та прогулка в Сокольниках оказалась для меня событием, к которому я мысленно продолжаю возвращаться и сейчас. АМ вел нас тропами - дорожками по местам своей памяти и делился воспоминаниями, а после акции мы заглянули во двор, где прошло его детство. Проведенная нами в тот день акция в списке ПЗГ стала первой акцией 14-го тома, что полностью совпало с моим ощущением некоторого изменения в конструкции акционного события. Мне понравилось тогда, что мы выскочили из скафандров фактографии КД и новое место предоставило очередную возможность переосмысления партитуры акционного действия. К слову, в парке Сокольники проходила акция «Остановка», но это было задолго до появления скафандров фактографии. Отличие 157 акции в первую очередь заключалось для меня в том, что место было как бы не-место. Расположенное в пролеске по ходу автобуса, оно представляется транзитной зоной, которая открыта взору пассажиров, но абсолютно безлюдна в силу отрезанности от пешеходных дорог. В то же время это не-место оказалось удачной демонстрационной зоной, встроенной в топографию культурной памяти. На уровне сюжетной линии акции «75 автобус» она была не проявлена, но стала основанием для акции «Три портрета». И если «75 автобус» вряд ли можно отнести к мемориальным акциям, скорее ее можно определить как транзитную, то «Три портрета» с оговорками, но можно назвать мемориальной. Она не была связана с сакральной топографией КД, но разворачивалась в широком поле культурной памяти. Результатом акции «75 автобус» для меня стало появление демонстрационной зоны - эфемерного мемориала в контексте российской истории. В этом году мы вернулись уже в место, означенное как лесок Щуцкого.

С написанием рассказа по акции «Три портрета» я тоже несколько замешкалась потому, что читала Севастопольские рассказы Толстого: их мне рекомендовал прочесть АМ, когда после акции мы сидели в кафе, и разговор зашел о литературе. Думаю эту деталь можно отнести к пустому действию или объективировать как предмет-раму (или Толстойрама), вдруг выскочивший из акции «Портрет» (кстати и в предшествующей ей акции «Без портрета» эта рама промелькнула). В наше время, когда пустота исчезает и неотвратимо наступает тотальная музеефикация, когда музей и архив апроприируют пространства повседневного, такие рамы, как мне кажется, могут выделять время акционного события из потока культурно-исторических артефактов.

Но мне хотелось бы сначала очертить партитуру событий. Так некоторое время назад я начала для себя определять смыслы и события, возникающие в ряду идущих друг за другом акций, как следствие повторений элементов сюжета. Они сопротивляются вербализации и выстраиваются в логике музыкальной фразы или последовательности фраз, построенных на повторах и контрапостах. Такую музыкальную фразу можно обнаружить в последних шести акциях, начиная с № 155 «Без портрета». Она проходила вдали от Киевогорского поля, но, как отмечает АМ, была мемориальной и вписывалась в картографию событий КД и в его топографический архив. Встроена в топографию КД и последующая акция №156, когда портрет Льва Николаевича в шикарной барочной позолоченной раме был экспонирован на хорошо утоптанном с 2003 года пятачке между трех берез на просеке Хайдеггера-Хаген. Можно сказать, что все акции в этой демонстрационной зоне – мемориальные акции. Прошлой осенью АМ ввел термин «сдвоенные акции»: за акцией «Л.Н. Толстой» сразу последовала акция «75 автобус». Тогда и возник парафраз из пары мест: просека Хайдеггер-Хаген и лесок Щуцкого. Последний уже совершенно несвязанное с топологией архива КД место, обладает собственным мощным архивом-места и транслируется через личную память АМ. Для нас, зрителей, лесок Щуцкого явился экспозиционным пространством в широком смысле. Лефевровское пространство репрезентации оказалось в сложных и еще не совсем мне понятных сопряжениях с демонстрационным знаковым полем КД. В сдвоенности мест, как мне кажется, произошла стыковка сакральной картографии КД и широкого поля культурной памяти. В то же время, акции сдвоенного парафраза мест «Л.Н. Толстой» - «Автобус 75» оказались разнесенными не только географически, но и в последовательности описаний ПЗГ. Одна стала последней акцией 13 тома, а вторая – первой акцией 14 тома. То есть переход оказался упакован в сдвоенности и стал моментом стыковки. Весной мы опять посетили Киевогорское поле, а точнее - поляну библиотеки КД, где состоялась акция «Убраться». От нее у меня осталось впечатление некоторого возвращения и парения над местом силы КД и созерцанием вознесения его сакрального тела. Мне нравятся все многочисленные интерпретации названия этой акции в рассказах участников. Особенно то, как ПП, преодолевая действие глагола и акцентируя место вопросом «где?», настаивает, что мы навещали братца. Но в то же время «убраться» звучит очень конкретно в глагольной форме, в смысле «побыстрее свалить отсюда». И вот эта осень начинается с повторения прошлогоднего парафраза мест. Сдвоенные акции этого года «Желтый портфель» - «Три портрета» повторяются не только в топографии, но и контрапосте, противопоставляющем предмет-раму Желтый портфель и почти нематериальное поэтически - музыкальное действие.

И вот снова после мощной акции с портфелем АМ на просеке Хайдеггер-Хаген мы едем гулять в Сокольники, в лесок Щуцкого. Логика этого тонко выстроенного ритмичного рисунка определяет ожидание развития сюжета, наподобие танцевальных повторов шагов назад - вперед и поворот, и опять назад - вперед и поворот, но пока не ясно к чему... Назад и вперед, из одного места в другое, из отрезка времени 13 в отрезок времени 14. В повторах этих паттернов, как я предполагала, скрывалось то самое неуловимое событие, которое никогда не происходит в акциях КД, но разворачивается в сознании зрителя.

Итак, появилась возможность снять скафандр картографии КД и выйти в широкое поле культурной памяти, окружающее просвечивающее небом (как отмечал АМ) лесок Щуцкого. Хотя, как и все последние акции, «Три портрета»

тоже была мемориальной. Берусь предположить, что в практиках КД этот вид акций отличается от первых акций, построенных на исследовании эстетического восприятия. В мемориальных акциях перспективы созерцания выстраиваются не столько в эстетическом поле, сколько разворачивается во времени топографии архива.

Ожидание и путь к месту акции все чаще становится прогулкой-созерцанием памяти места. Вместо настройки на восприятие эстетического события, как предполагалось в ранних акциях, - рассеивающие восприятие такие краеведческие прогулки становятся своеобразной рамой акционного действия. На этот раз рамку я заметила в самом начале, когда была сделана первая документирующая событие фотография. На ступеньках торгового центра, где мы выстроились в ряд. Перед нами развернулась огромная стройка (вероятно реновация транспортных коммуникаций), а наши тени в ярких солнечных лучах распластались на асфальте перед лестницей и оказались обрамлены треугольной рамой. Вернее это была уже вторая рама, а первая появилась перед нашими глазами как только мы завернули за первый угол строительного забора у метро: мы прямо вышли на торчащие из асфальта провода в красной обмотке (такие сейчас часто встречаются на улицах Москвы, вероятно там какие-то кабели виртуальных сетей). Кабели в красной обмотке образовывали овал и Маша, обнаружив эту идеалистическую рамку, сразу захотела сфотографироваться внутри нее. Потом мы шли по периметру, огибая стройку. Ее забор из алюминиевой гофры тоже представлялся мне рамой, но мы занимали по отношению к ней внешнюю позицию, как бы скользили по раме. Невероятно приятно было идти сквозь оживленную толпу торговых рядов, схожую с экзотической атмосферой чайнатаунов. После очередного поворота забора мы вышли к трамвайным путям и наблюдали, как от остановки медленно отчалил наш, № 25. Мы уже существовали в замедленно - созерцательном режиме и вовсе не расстроились, а рассеялись по окрестностям остановки, занявшись их исследованием. За остановкой велись какие-то земляные работы, точнее работы велись по благоустройству и представляли собой несколько земляных пирамид чуть выше человеческого роста. Они располагались на фоне старой изысканно обшарпанной стены. Как только наши рассеянные взгляды коснулись этого здания, мы конечно стали строить догадки насчет этой постройки. АМ просветил нас, что раньше это был кинотеатр «Луч». Луч располагался прямо напротив храма (Храма Воскресения Христова в Сокольниках), и сейчас между ними раскинулась огромная стройплощадка. АМ также уточнил, что здесь выступал Ленин и что Сокольники до революции были местом богатых буржуазных дач. Вся эта культурная топография меня невероятно обрадовала и мы с Дашей решили ознакомиться с содержанием бронзовых этикеток. Памятник истории и культуры назывался ТЕАТР «ТИВОЛИ». Мы находились на Сокольнической площади дом 7, но, как подсказывает гугл, Тиволи – город недалеко от Рима. Потом на новенькой остановке московского благоустройства, выглядевшей несколько инородно на фоне стройплощадки и замшелого великолепия одинокой культурной достопримечательности, мы вдруг стали обсуждать, кто чего боится во время акции. Страхи в основном носили бытовой характер. Возможно поэтому у меня из кармана куртки вдруг выпали и веером рассыпались по трамвайным путям все карты и карточки: тройка, пятерочка, перекресток, леонардо и тп. Тут как раз подкатил трамвай. Мы запрыгнули в вагон, внутри которого метались солнечные зайчики, в таком числе, что казалось трамвай сейчас лопнет от света.

Трамвай шел сквозь туннель из золотистой листвы - странно, но мы как будто ехали не по городу, а внутри сказочного леса. АМ скомандовал выходить, но когда все сгрудились у стеклянных дверей, в последний момент передумал. Из трамвая, из другой его двери, выскочил только Ситар. А мы вышли на следующей остановке и еще несколько минут ждали его «появления» из золотистой аллеи парка. Это случайное повторение Появления как бы протянуло ниточку и завязало узелок на память.

Как и в прошлый раз, напротив расположенной в парке библиотеки индейцев скульптуры «Ленин и дети», мы перешли дорогу и оказались в леске Щуцкого. Я вдруг обнаружила, что в просветах деревьев, в глубине леска, отмечая его границу, скользит трамвай. Мы сразу нашли следы прошлогодней акции: кнопки на стволах деревьев и выцветшие бумажки, и приступили к развеске экспонатов. Сначала стихи китайского классика эпохи Тан, Ван Вэя, потом портрет переводчика и поэта Щуцкого, расстрелянного в 1938. Затем АМ какое-то время отлаживал красный шарик колонки, из которого зазвучало оперное пение. Все это время я ловила на фотокамеру телефона лучи солнца, волшебным образом прорывающиеся через листву и наблюдала листопад, возникающий то тут, то там. На этом фоне музыка показалась мне слишком тяжеловесной, диссонансной с той легкостью и созерцательностью, которые возникли от стихов, солнца и листопада. Даже в музыкальном исполнении европейское стремление к оформленности и упорядоченности доминировало над растворяющимся в стихиях восточным поэзисом. Когда портреты двух исполнителей этой официально-занудной музыки прикрыли листьями, мне показалось, что и звучание фонограммы немного приглушили. Как я потом узнала, оба немецких исполнителя оперной классики как-то были завязаны с нацизмом. Потом в неглубокой яме между деревьями Маша расположила айпад с Боуи (его песню «На Марсе» предложила включить в акцию Сабина). Мы с Дашей опознали в этой яме сходство с теми, что нашел в лесу под Сандармохом историк Дмитриев. Такие же ямы помогли ему раскрыть тайное расстрельное захоронение. В леске Щуцкого эти ямки тоже злоевоще располагались почти в шахматном порядке. Фонограмма с оперным пением кажется продолжала звучать, когда АМ читал вслух, держа перед собой книгу, отрывок из старинного даосского трактата. Сюжет показался мне метафорой к нашей ситуации: некоему учителю, решившему перекусить у дороги, ученики показывают найденный ими в листве старый череп. Миша заметил, что пока АМ читал, на обочине остановилась фура, из которой вышел мужик и поссал. Я сама этого не видела, но присоединяюсь к мнению, что подобные события на периферии зрения и акционного действия приносят дополнительные смыслы. Для меня этим периферийным событием стала фонограмма. И если само действие акции рассматривать как практику экспонирования, то фонограмму можно назвать формой эстетизации культурной памяти. Вероятно эстетизация памяти и является тем качеством, которое определяет мемориальные акции.

Потом мы отправились гулять по окрестностям, которые сохранили свою простую не отреставрированную красоту. И все же, где-то на периферии, за почти незаметными заборами, скрывалось что-то тягостное. Но фантастические осенние пейзажи, утверждающие гармонию и красоту в единстве воздуха, воды и леса, наша дружная компания, действовали умиротворяюще. Мы наслаждались обыденностью прекрасного.